

Владимир Петрович
РЫБИНСКИЙ

**БИБЛЕЙСКАЯ
ВЕТХОЗАВЕТНАЯ
КРИТИКА**

Впервые опубликовано:
Труды Киевской духовной академии, 1908, с. 575–613
Отдельное издание: Киев, 1908

Библейская ветхозавѣтная критика.

Критика составляетъ необходимый элементъ всѣхъ наукъ, а въ числѣ ихъ и библиологіи. Такое значеніе критики впервые было понято греками, которые по справедливости могутъ быть названы отцами критики. У грековъ критика была при мѣнена прежде всего къ Гомеру, а затѣмъ и къ другимъ писателямъ, и имѣла своей задачей установленіе текста, устраненіе неподлинныхъ сочиненій извѣстнаго автора или отдѣльных мѣстъ изъ этихъ сочиненій. При этомъ греками не только были поставлены задачи критики, но и выработанъ ея методъ.

Въ области библиологіи въ первыя времена ея существованія критика не отсутствовала совершенно. И въ Талмудѣ, и у церковныхъ учителей,—въ особенности тѣхъ, которые занимались истолкованіемъ Библии,—мы можемъ усматривать зачатки библейской критики. Тѣмъ не менѣе, относительно древняго времени можно сказать, что какъ іудейскіе ученые, такъ и христіанскіе изслѣдователи принимали Библію въ томъ видѣ, въ какомъ она была передана, исходили въ своихъ толкованіяхъ изъ убѣжденія въ непогрѣшимости Библии и ея неповрежденности. Сомнѣнія въ правильности традиціонныхъ взглядовъ на Ветхій Завѣтъ и попытки измѣнить ихъ возникали только у отдѣльных лицъ (нѣкоторые раввины, Феодоръ Моисеуст.) и не имѣли вліянія на общее отношеніе къ Библии. Равнымъ образомъ и отдѣльные опыты критики библейскаго текста, оставленные намъ древ-

ностью (Оригенъ), не были критическими опытами въ собственномъ смыслѣ. Догматическій характеръ имѣла библиологія и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Права свои въ области библиологіи критика начинаегъ завоевывать съ начала новой исторіи и въ особенности съ XVII в. Постепенно права эти становятся общепризнанными. Вмѣстѣ съ вѣдомъ, параллельно успѣхамъ критики вообще, уясняются задачи и критики библейской, умножаются ея средства, усовершенствуются ея методы. Въ настоящее время подъ именемъ библейской критики разумѣется господствующее на западѣ направление въ изученіи Библии. При этомъ различаютъ критику *низшую* и критику *высшую*.

Терминомъ *низшая критика* въ области библиологіи въ настоящее время обозначается *критика библейскаго текста*. Начало критическаго отношенія къ ветхозавѣтному библейскому тексту можно находить въ древнѣйшее время. Заботы объ охраненіи текста и возстановленіи правильныхъ чтеній не чужды были еще древнимъ книжникамъ. Результатомъ этихъ заботъ явились разсѣянные въ Талмудѣ примѣчанія къ библейскому тексту (tikkunim, itturim, kerî, kethib) и цѣлый сборникъ такихъ замѣчаній, извѣстный подъ именемъ Мазоры. Равнымъ образомъ, много матеріала изъ области „низшей критики“ мы можемъ находить и въ сочиненіяхъ церковныхъ учителей, — преимущественно, конечно, тѣхъ, послѣ которыхъ остались экзегетическіе труды. Особенно важное значеніе въ текстуальной критикѣ отеческаго періода имѣли труды Оригена. Оригенъ поставилъ своей задачей возстановленіе въ чистомъ видѣ употреблявшагося въ его время въ восточной церкви греческаго текста Ветхаго Завѣта (LXX). Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ сводъ нѣсколькихъ библейскихъ текстовъ, — для большинства книгъ шести (гекзаплы), а для нѣкоторыхъ семи (гептаплы); осьми (октаплы) и даже девяти (enneаплы). Въ колоннѣ греческаго текста LXX Оригенъ отмѣтилъ особыми знаками какъ дефекты противъ еврейскаго,

такъ и излишки, при чемъ дефекты были восполнены главнымъ образомъ по переводу Θεодотіона. Кромѣ того, на поляхъ своей рукописи Оригенъ помѣстилъ чтенія Самарянскаго текста и нѣкоторыя примѣчанія ¹⁾). Труды Оригена высоко цѣнились древностью. Греческій текстъ, возстановленный Оригеномъ, усердно списывался и распространялся въ разныхъ странахъ. Новѣйшая наука, однако, указываетъ существенные недостатки текстуальныхъ работъ Оригена. Такъ, съ точки зрѣнія новѣйшей науки еврейскій текстъ не могъ быть положенъ Оригеномъ въ основу исправленія греческаго, такъ-какъ самъ онъ не сохранился въ чистотѣ и та редакція его, съ которой сдѣланъ переводъ LXX, представляла уже во время Оригена нѣчто искомое. Затѣмъ, допущенное Оригеномъ восполненіе текста LXX переводомъ Θεодотіона привело къ смѣшенію равныхъ текстовъ и къ уtratѣ первоначальнаго вида перевода LXX. Несмотря на указанныя недостатки, трудъ Оригена имѣлъ важное значеніе въ исторіи текстуальной критики, такъ-какъ благодаря ему сохранился, хотя и въ неполномъ видѣ, очень цѣнный матеріалъ, которымъ могутъ пользоваться современные изслѣдователи ²⁾). Кромѣ Оригена большое значеніе въ исторіи нившей критики имѣли пресвитеръ антїохійскій Лукіанъ († 312) и египетскій епископъ Исихій († 311), трудившіеся, подобно Оригену, надъ исправленіемъ греческаго текста LXX и составившіе особыя рецензіи этого текста, до насъ въ чистотѣ не сохранившіяся ³⁾). На ряду съ названными учителями по значенію въ исторіи библейской критики можетъ быть поставленъ бл. Іеронимъ: въ своихъ комментаріяхъ онъ оставилъ множество чрезвычайно цѣнныхъ замѣчаній о чтеніяхъ подлинника и греческихъ переводовъ,

¹⁾ Ср Соколовъ, Исторія ветхозавѣтныхъ писаній въ христ. церкви. М. 1886. Стр. 183 и д.

²⁾ Field, *Origenis hexaplorum quae supersunt*. 1875. Oxonii.

³⁾ Проф. П. А. Юнгеровъ, Общее историко-критическое введеніе въ свящ. ветх. книги. Казань. 1902, стр. 391—398.

а въ сдѣланномъ имъ латинскомъ переводѣ Ветхаго Завета представилъ по мѣстамъ опыты возстановленія первоначальнаго текста.

Въ средніе вѣка сознавались недостатки принятаго текста. Такъ, Р. Беконъ, П. Б. Абеляръ указывали на большую испорченность рукописей; въ 1109 г. предпринимался пересмотръ всей Библии на основѣ еврейскихъ и халдейскихъ рукописей; неоднократно исправлялся текстъ Вульгаты¹⁾ и составлялись такъ назыв. *Eranothotae* или *Correctoria*, представлявшія собою родъ мазоры²⁾. Но въ общемъ можно сказать, что въ средніе вѣка библейской текстуальной критики не существовало. Препятствіемъ для нея служилъ недостатокъ филологическихъ знаній вообще и знанія еврейскаго языка въ особенности. Возрожденіе библейской текстуальной критики и дальнѣйшее развитіе ея начинается со времени гуманизма. Гуманистическое движеніе пробудило интересъ къ филологическимъ занятіямъ и въ частности къ занятію языкомъ свящ. книгъ. Важное значеніе имѣло въ данномъ случаѣ и изобрѣтеніе книгопечатанія, такъ-какъ появленіе въ концѣ XV в. печатной Библии наглядно показало недостатки текста и породило естественное желаніе исправленія его. Этому содѣйствовалъ и выдвинутый реформаціей на первый планъ авторитетъ Св. Писанія, какъ единственнаго источника вѣроученія и нравоученія. Съ середины XVI в. священная филологія на ряду съ классической становится модой.

Выступаетъ цѣлый рядъ ученыхъ, посвящающихъ себя изученію текстуальной стороны ветхозавѣтныхъ книгъ. Изъ нихъ особенно должно назвать І. Меркера († 1570), Друзія (1550—1616), І. Букедорфа (1564—1629), Людовика де-Дье

¹⁾ Петромъ Даманомъ († 1072), Лафранкомъ († 1089), Срефаномъ († 1134).

²⁾ Cornely, *Introductio* vol. I. Parisiis. 1885. P. 433—435.

(1590—1642), Вальтона (1600—1661), Готтингера (1620—1617), Е. Кастелла, Канелла и мног. др. Начинаютъ изслѣдовать памятники восточной литературы, привезенные въ Европу Пококкомъ, Делла-Валле и другими путешественниками по востоку. Съ XVI в. учреждаются кафедры восточныхъ языковъ въ Римѣ, Парижѣ, Оксфордѣ и Лейденѣ, при чемъ изученіе восточныхъ языковъ направляется къ уясненію еврейскаго. Со времени знаменитаго арабиста А. Шудьтенса (1686—1750) и учениковъ его Шредера (1721—1798) и Венемы (1697—1787) пользованіе семитическими языками для указанной цѣли получаетъ систематическій научный характеръ. Въ 1503 г. Шелликаномъ († 1556) была издана уже небольшая еврейская грамматика, подъ заглавіемъ *De modo legendi et intelligendi hebraea*. Въ 1606 году появилась составившая эпоху въ исторіи изученія еврейскаго языка книга Рейхлина *Rudimenta linguae hebraicae*, заключающая и словарь евр. языка и его грамматику. Нѣсколько позже вышли руководства Ф. Капито (*Institutiones hebraicae*. 1525) и С. Пагнина (*Inst. hebraicae*. 1526). Одновременно съ этимъ издавались грамматики и для другихъ восточныхъ языковъ—арабскаго (*Postellus, Grammaticae arabicae rudimenta* 1538), халдейскаго (*S. Munsteri, Basel. 1527*), сирскаго (*Vidmanstadt, Syriacae linguae elementa* 1555; *Masius, Gramm. linguae syriacae* 1557).

Большое значеніе для исторіи текстуальной критики съ XVI в. имѣли и многочисленныя новыя изданія библейскаго текста подлиннаго и переводнаго. Особенно важны были въ данномъ отношеніи библіи—полиглотты Комплютевская (1514—1517), Антверпенская (1569—1572), Парижская (1629—1645) и Лондонская (1654—1657).

Большое вліяніе на развитіе библейской текстуальной критики и ея методовъ съ конца XVI в. имѣли и появившіеся около этого времени опыты критики римскихъ классиковъ. Такъ, въ 1537 г. Ф. Робертелль издалъ въ Падудѣ книгу

De arte sive ratione corrigendi antiquorum libros disputatio. Авторъ ставилъ своей задачей указать способъ *scriptores pristino nitori et elegantiae reddere* и въ этихъ видахъ трактовалъ о характерѣ рукописей, о сокращеніяхъ, перестановкѣ буквъ и т. п. Такого-же содержанія были сочиненія Стефана *Castigatio in M. T. Ciceronis locos, quam plurimos* и Скоппія *De arte critica et praecipue de ejus parte emendatrice* (1597). Последнее сочиненіе, между прочимъ, направлялось противъ неумѣренныхъ исправителей древнихъ текстовъ, дѣйствующихъ „безразсудно и съ юношеской смѣлостью“.

Поставленные названными авторами задачи критики классическихъ писателей и приемы этой критики постепенно стали прилагаться и къ книгамъ библейскимъ. Въ XVII в. были уже установлены и главнѣйшія основы текстуальной критики ветхозавѣтныхъ книгъ. Поводомъ къ этому послужилъ не прекращавшійся долгое время ученый споръ о сравнительныхъ преимуществахъ еврейскаго и греческаго ветхозавѣтнаго текста. Протестанты, въ силу господства вербальной теоріи богодухновенности, единственно надежнымъ источникомъ божественнаго слова считали текстъ оригинальный, унижая, при этомъ, значеніе текста LXX и особенно Вульгаты. Опровергая эти воззрѣнія, экзегеты католическіе старались доказать ненадежность еврейскаго текста и превосходство надъ нимъ LXX и Вульгаты. Въ виду такой задачи было обращено особенное вниманіе на выясненіе исторіи названныхъ текстовъ. Изъ появившихся до половины XVIII в. многочисленныхъ трудовъ по изслѣдованію библейскаго текста наиболѣе важное значеніе имѣли работы І. Морина, называемаго иногда „отцомъ“ текстуальной библейской критики¹⁾, Капелла, Карпцова, Буксдорфовъ и Клерика. Въ своемъ со-

¹⁾ *Diestel*, Geschichte d. A. Testam. im Christl. Kirche. Jena. 1869. S. 344.

чиненіи *Exercitationes biblicae de hebraei graecique textus sinceritate* (Paris, 1633) I. Моринъ старался доказывать, что еврейскій библейскій текстъ поврежденъ какъ намѣренными искаженіями іудеевъ (*malitia judaeorum*), такъ и случайными ошибками переписчиковъ (*incuria librarioꝝ*). Поврежденія еврейскаго текста, по мнѣнію Морина, столь значительны, что этотъ текстъ не можетъ уже считаться источникомъ и нормой Писанія. Такое значеніе могли-бы имѣть автографы ветхозавѣтныхъ книгъ, но они не сохранились, и перво-текстъ вслѣдствіе этого можетъ быть возстановленъ только приблизительно. Главнымъ руководствомъ въ дѣлѣ этого возстановленія долженъ служить текстъ LXX, ибо онъ произвелъ *ex purissimis Hebraeorum fontibus*, подтвержденъ апостолами въ ихъ цитатахъ изъ Ветхаго Завета, отцами церкви и даже іудейскими учеными¹⁾.

Вопреки взглядамъ Морина, защитники еврейскаго текста доказывали отсутствіе въ немъ какъ тенденціозныхъ корректуръ, такъ и ненамѣренныхъ погрѣшностей. Рѣшающее значеніе въ этомъ спорѣ имѣло обширное сочиненіе Людовика Капелла *Critica sacra sive de variis quae in sacris Vet. Test. libris occurrunt lectiones libri sex* (Lutet. 1650). Опровергнувъ равными соображеніями обвиненія евреевъ въ намѣренномъ искаженіи текста, Капеллъ устанавливаетъ наличность въ текстѣ погрѣшностей, возникшихъ вслѣдствіе человѣческихъ слабостей переписчиковъ, небрежности ихъ и невѣжества. Мысль о томъ, что священныя ветхозавѣтныя книги совершенно согласны съ автографами, по мнѣнію Капелла есть *somnium et commentum judaeorum longe absurdissimum*. Какъ на главное доказательство присутствія въ текстѣ ошибокъ, Капеллъ указывалъ на варіанты текста. Въмѣстѣ съ этимъ, однако, Капеллъ утверждалъ, что разночтенія текста существеннаго значенія не имѣютъ (*non est*

¹⁾ Diestel, Ibid. S. 344.

illa diversitas ad fidem et mores quod attinet momentosa) и потому должна быть допущена свобода въ выборѣ чтеній или критика. При этомъ Канелль установилъ и слѣдующія правила текстуальной критики: 1) если принятый еврейскій текстъ согласенъ съ таргумами, древними переводами и отеческими цитатами, то нельзя предпринимать никакихъ поправокъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда принятое чтеніе даетъ мысль ложную, нелѣпую и противорѣчащую догматамъ вѣры; 2) поправка недопустима и въ томъ случаѣ, когда есть основаніе *предполагать* согласіе еврейскаго текста съ переводами; 3) поправка должна быть такова, чтобы она дѣлала текстъ болѣе яснымъ, болѣе соотвѣтствующимъ контексту Писанія и болѣе согласнымъ съ догматами вѣры; 4) поправки не должны быть вносимы въ текстъ Библии, а могутъ быть только отмѣчаемы на поляхъ или въ комментаріи. Подобныя же правила критики текста устанавливалъ и Клерикъ въ вышедшемъ въ 1697 г. сочиненіи *Art critica*. По мнѣнію Клерика, текстуальныя корректуры должны основываться на контекстѣ и стилѣ писателя, соответствовать духу языка и не очень уклоняться отъ текста рукописей.

Названные авторы, такимъ образомъ, допускали не только исправленія библейскаго текста по рукописямъ, цитатамъ, переводамъ, но и считали возможными критическія догадки или конъектуры. Однако, господствующимъ направленіемъ въ библиологіи того времени конъектуральная критика рѣшительно отвергалась. Сторонники этого направленія утверждали, что хотя библейскій текстъ не сохранился въ своей автографической неповрежденности, все-таки ни одно мѣсто не можетъ считаться на столько испорченнымъ, чтобы изъ него нельзя было узнать мысль Св. Духа. Переписчики и издатели печатнаго текста не были богодухновенны и потому *отдѣльные* кодексы имѣютъ погрѣшности. Но при снесеніи этихъ кодексовъ всегда можно получить чистый текстъ. Ко-

всякимъ поправкамъ въ текстъ представители ортодоксіи относились неодобительно. „Если предоставить свободу этимъ поправкамъ критикамъ“, равсуждалъ Карпцовъ, „то въ концѣ концовъ будетъ ивмѣненъ весь текстъ, и не найдется ни одного пророчества ва столько важнаго, чтобы оно не могло быть обращено въ нѣчто сомнительное, и изъ котораго, путемъ поправокъ, не получился бы иной смыслъ“.

Исторія текстуальной критики съ конца XVIII в. и до нашихъ дней характеризуется, прежде всего, чрезвычайнымъ увеличеніемъ важнаго для критики матеріала. Съ конца XVIII в. до настоящаго времени появились многочисленныя изданія библейскихъ текстовъ въ цѣломъ видѣ и въ отрывкахъ, сборники варіантовъ и симфоніи. Вмѣстѣ съ этимъ вышелъ длинный рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи ветхозавѣтныхъ библейскихъ текстовъ, въ особенности двухъ основныхъ—еврейскаго и греческаго. На ряду съ этимъ накопленіемъ матеріала увеличивались и средства пользованія имъ, такъ какъ въ теченіе XIX в. языкознаніе, и въ—частности знаніе восточныхъ языковъ, сдѣлало чрезвычайныя успѣхи. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, текстуальная критика въ XIX ст. отрѣшается отъ апріористическихъ мотивовъ, которые лежали въ основѣ текстуальныхъ споровъ XVIII в., и пріобрѣтаетъ, также въ отличіе отъ прежняго времени, планомѣрность, выдержанный методическій характеръ. Равнѣется, равные авторы не одинаково пользуют богатымъ текстуальнымъ матеріаломъ. Но въ общемъ, въ области „нижней критики“ продолжаютъ оставаться тѣ принципы, которые были установлены въ упомянутыхъ выше трудахъ Капелла и Клерика. Высказывавшаяся древними церковными учителями и экзегетами XVIII в. мысль о тенденціозномъ и намѣренномъ искаженіи библейскаго текста евреями не была совершенно оставлена и въ новое время¹⁾.

¹⁾ Cp. Geiger, Urschrift und Uebersetz. d. alt. Test. 1857. Lagarde, Material. zur Kritik. 1867.

Но источникъ этихъ искаженій усматривали уже не въ злонамѣренности іудеевъ, а въ тѣхъ особенныхъ воззрѣніяхъ, которыми жило іудейство въ концѣ ветхозавѣтной и въ началѣ новозавѣтной исторіи ¹⁾. Въ общемъ, однако возобладало довѣріе къ еврейскому мазоретскому тексту. Фактъ существованія въ библейскомъ текстѣ погрѣшностей въ новое время признавался всѣми западными изслѣдователями. Взглядъ же на количество погрѣшностей и степень испорченности текста у разныхъ библиологовъ былъ не одинаковъ. Евальдъ, Гитцигъ, Ольсгаузенъ, Тениусъ, Гретцъ, Велльгаузенъ, Чейнъ, Корниль и мн. др. допускаютъ поправки библейскаго текста въ большомъ количествѣ; экзегеты же ортодоксалы Генгстенбергъ, Кейль, Фр. Деличъ, Гринъ и др. почти цѣликомъ принимаютъ *textus receptus*. Главнымъ пособіемъ при критикѣ текста новѣйшая наука признаетъ древнѣйшіе переводы. Въ послѣднее время можно замѣчать въ западной литературѣ стремленіе поднять значеніе LXX и даже поставить греческій текстъ выше подлинника ²⁾. При этомъ, благодаря трудамъ Де-Лягарде пользованіе переводомъ LXX для критики ветхозавѣтнаго текста въ послѣднія десятилѣтія получило характеръ методическій. Въ настоящее время признается, что существующія рукописи и изданія LXX не даютъ первоначальнаго текста, а представляютъ только возникшія на основѣ его вначительно разнящіяся другъ отъ друга рецензіи—Оригеновскую, Лукіановскую и Исихіевскую. Ближайшей задачей изслѣдованія при этомъ ставится точное установленіе названныхъ рецензій, начало чему положено трудами Де-Лягарде, издавшаго въ 1883 г. Лукіановскую ре-

¹⁾ А. А. Оленичкіій, Тенденціозныя корректуры іуд. книжниковъ. Тр. К. Д. А. 1879, т. II.

²⁾ Jahn, Das Buch Esther nach der Septuaginta hergestellt, übersetzt und kritisch erklärt. 1904; его-же изслѣдованія о кн. Даниила и Іезекіиля, а также брошюры Beiträge zur Beurtheilung Septuag. 1902.

цензію книгъ историческихъ¹⁾. Путемъ установленія рецензій и затѣмъ выдѣленія позднѣйшихъ исправленій библиологія надѣется дойти до древнѣйшаго вида LXX, близкаго къ первоначальному, и такимъ образомъ, имѣть въ текстѣ LXX дѣйствительно „зеркало“ (митр. Филаретъ) текста еврейскаго, какимъ послѣдній былъ до Р. Хр.

Не ограничиваясь руководствомъ древнихъ переводовъ, современная западная протестантская библиологія широко практикуетъ и критическія конъектуры или такія исправленія, для которыхъ въ существующихъ рукописныхъ и изданияхъ нѣтъ основаній. Широкое примѣненіе текстуальныхъ конъектуръ вызывается отчасти положеніями „высшей критики“ относительно происхожденія, подлинности и неповрежденности библейскихъ книгъ, такъ-какъ для оправданія этихъ положеній приходится нерѣдко прибѣгать къ текстуальнымъ поправкамъ. Кромѣ того, богатымъ источникомъ текстуальныхъ корректуръ служитъ теперешнее исканіе въ библейскихъ книгахъ метра и строфъ. Такъ, Биккель, чтобы доказать свою теорію библейскаго метра устраняетъ въ Псалтири около 2600 слоговъ и въ 3811 случаяхъ измѣняетъ вокализацию²⁾. Подобнымъ образомъ другой авторъ допускаетъ много корректуръ въ кн. Амоса во имя предполагаемаго имъ строфическаго дѣленія³⁾.

Доселѣ у насъ была рѣчь о текстуальной критикѣ у протестантовъ. Что касается текстуальной критики библиологовъ католическихъ, то объ этомъ должно сказать слѣдующее.

¹⁾ P. De-Lagarde, *Librorum V. T. canonicorum pars 1 graece edita*—Göttingen.

²⁾ Theol. Liter. B. C. 1905. № 39.

³⁾ W. P. Harper, *The structure of the text of Amos* 1904; Ср. Ciessebracht, *Ieremias Metrik*. 1905; Cheyne, *Encyclop. bibl.* vol II, 2365.

Руководящее значеніе въ дѣлѣ критики текста для католическаго бібліолога имѣетъ опредѣленіе Тридентскаго собора относительно Вульгаты. Опредѣленіе это таково: „свящ. соборъ, имѣя въ виду, что для Церкви Божіей будетъ не мало пользы, если станетъ извѣстнымъ, какое изъ всѣхъ обращающихся латинскихъ изданій св. книгъ должно считаться за подлинное (*authentica*), опредѣляетъ и объявляетъ, чтобы это самое древнее и общенародное изданіе (*Vulgata*), которое одобрено самою церковью продолжительнымъ употребленіемъ въ теченіе многихъ вѣковъ, считалось за подлинное (*authentica*) въ публичныхъ чтеніяхъ, разсужденіяхъ, проповѣдяхъ и изслѣдованіяхъ, и чтобы никто ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливался и не пытался его отвергать---. Желая же указать издателямъ должный въ данномъ случаѣ образъ дѣйствій,—соборъ опредѣляетъ и рѣшаетъ, чтобы отселѣ Св. Писаніе, въ особенности же это древнее и народное (*Vulgata*) изданіе печаталось какъ можно исправнѣе“.

Изложенное опредѣленіе Тридентскаго собора, подтвержденное въ существенныхъ чертахъ и соборомъ Ватиканскимъ и являющееся руководительнымъ для католическихъ бібліологовъ и въ настоящее время, понималось и понимается различно. По мнѣнію протестанскихъ бібліологовъ, опредѣленіемъ Тридентскаго собора отрицается въ принципѣ критика библейскаго текста. „закрывается доступъ экзегетическому изслѣдованію въ общественное церковное ученіе“¹⁾, канонизируется латинскій переводъ и объявляется излишнимъ подлинный текстъ и древніе переводы²⁾. Такое же мнѣніе высказывалъ изъ нашихъ отечественныхъ бібліологовъ, напр. Митр. Московскій Филаретъ: „Римская церковь, замѣчаетъ онъ, признаетъ самодостовѣрнымъ, настоящимъ, самоподлиннымъ текстъ латинскаго перевода“. Въ такомъ взглядѣ на

¹⁾ De Wette — Schrader, Einleitung. S. 145

²⁾ Keil, Einleit. S. 576

Вульгату М. Филаретъ усматривалъ „тонкую односторонность“¹⁾, отъ которой онъ и предостерегаетъ православнаго богослова. Сами католическіе библіологи понимаютъ опредѣленіе Тридентскаго собора неодинаково. Старые католическіе богословы, въ особенности, испанскіе, на основаніи изложеннаго соборнаго опредѣленія считали текстъ Вульгаты не имѣющимъ погрѣшностей, единственнымъ достовѣрнымъ текстомъ Св. Писанія и даже текстомъ богодухновеннымъ. „Латинское изданіе Вульгаты“, говорилъ Л. Де-Тена, „во всѣхъ своихъ частяхъ и мѣстахъ настолько достовѣрно, что не только не заключаетъ никакой погрѣшности противъ вѣры, но даже во всѣхъ своихъ самыхъ невначительныхъ чертахъ содержитъ непогрѣшимую истину и мысль Св. Духа не въ меньшей степени, чѣмъ подлинное Писаніе, изъ котораго изданіе (Вульгаты) вышло. Для подтвержденія его нѣтъ нужды обращаться къ подлинному или къ другому тексту; напротивъ, когда Вульгата расходится съ существующимъ теперь еврейскимъ текстомъ, она является истиннымъ правиломъ вѣры и никоимъ образомъ не противорѣчитъ первоначальному оригиналу“²⁾.

Новѣйшіе католическіе богословы, однако, отказываются отъ такого пониманія опредѣленія Тридентскаго собора о Вульгатѣ. По ихъ мнѣнію, Соборъ назвалъ Вульгату достовѣрной (*authentica*) въ томъ смыслѣ, что въ ней не содержится ничего такого, что противорѣчитъ вѣрѣ или добрымъ нравамъ, или изъ-за чего можетъ возникнуть какое-либо гибельное заблужденіе³⁾. „Положеніе—Вульгата автентична, разсуждаетъ Петерсъ, означаетъ не больше, какъ то, что

¹⁾ О догм. достоинствѣ и охранит. уцѣлѣ греч. LXX толков. и слав. переводовъ Св. Писан. Приб. къ Твор. св. от. 1858. XVІІ, 452—453.

²⁾ Cornely, *Introd.* I. p. 442.

³⁾ Fell, *Lehrbuch Einleit.* 1906. S. 205 L. Billot, *De inspirat.* S. S. 1903, p. 133.

Вульгата есть редакція библіи, признанная Церковью за надежную и имѣющую доказательную силу. Церковь въ своихъ торжественныхъ опредѣленіяхъ ученія непогрѣшима; слѣдовательно, объявленіе этой надежности предполагаетъ дѣйствительную наличность ея. Но непогрѣшимость Церкви не есть неограниченная: она простирается только на область ученія о спасеніи, т. е. на вѣроученіе и нравоученіе, и вещи, которыя съ ними необходимо связаны. Этой областью ограничивается, поэтому, и декретъ объ автентичности Вульгаты. О какомъ либо признаніи Тридентскимъ постановленіемъ богодуховенности и неограниченнаго авторитета Вульгаты не можетъ быть рѣчи¹⁾.

По мнѣнію Петерса, даже въ указанной узкой области Вульгата имѣетъ руководственное значеніе для католическаго богослова только содержаніемъ, а не формою, такъ-что словесная форма Вульгаты подлежитъ постоянному усовершенствованію²⁾. При такомъ пониманіи постановленія Тридентскаго собора о библейскомъ текстѣ, новѣйшіе католическіе богословы признаютъ принципиально возможность текстуальной критики, хотя и ставятъ для нея опредѣленные границы. „Для текстуальной критики Библии“. говоритъ названный выше богословъ, „и на почвѣ католической церкви есть достаточная свобода движенія. Но *нѣкоторая* граница для ней всегда остается: твердо установленный догматъ исключаетъ противорѣчащее ему ученіе. Ибо вѣтъ догматъ, какъ слово Св. Духа, который пребываетъ съ своею церковью, не допускаетъ, чтобы въ данномъ тѣмъ же Св. Духомъ словѣ Св. Писанія могло содержаться противорѣчащее (догмату) ученіе. Посему если изслѣдователь текста въ какомъ-нибудь мѣстѣ придетъ къ такому виду текста, который несомнѣнно

¹⁾ Peters. Die grundsatzliche Stellung der Kathol. Kirche zur Bibelforschung. 1905.—Paderborn. S. 17—18.

²⁾ Peters, S. 19.

несоединимъ съ извѣстнымъ твердо установленнымъ ученіемъ церкви, то для него возникаетъ вдвойнѣ трудная обязанность проникнуть въ существо дѣла всесторонне, глубже, до основанія. Если не удастся преодолѣть трудность, то ему, какъ честному человѣку, ничего не остается, какъ, сознавъ свое безсиліе, предложить матеріалъ, относящійся къ вопросу, не затемняя положенія дѣла, и разрѣшеніе трудности предоста- вить будущему. На его личную вѣру ясно сознаваемая труд- ность не должна имѣть никакого дальнѣйшаго вліянія: онъ и теперь, какъ и прежде, долженъ съ вѣрою подчиняться уче- нію церкви. Для такихъ случаевъ уже бл. Августинъ фор- мулировалъ правило: „Я только заключаю или то, что руко- пись имѣетъ погрѣшность, или то, что переводъ не выра- зилъ смыслъ словъ или же,—что я его не понялъ“ ¹⁾ (ер. 82,1).

Относительно русской библиологической науки должно сказать, что вопросы текстуальной критики не получили въ ней до настоящаго времени того значенія, которое они имѣ- ютъ на западѣ. Впервые эти вопросы возникли у насъ соб- ственно въ концѣ XVIII в., при изданіи Елизаветинской Библіи ²⁾, а особенно горячо обсуждались въ XIX в. въ свя- зи съ вопросомъ о переводѣ Библіи на русскій языкъ. Въ спорахъ, вызванныхъ этимъ переводомъ, подвергнутъ былъ обсужденію вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ основ- ныхъ текстовъ Св. Писанія—еврейскаго и греческаго ³⁾. Въ

¹⁾ Peters, S. 27.

²⁾ Проф. Ѳ. Г. Елеонскій, по поводу 150-лѣтія Елиз. Биб- ліи. СПб. 1902.

³⁾ Ср. Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій яз. СПб. 1892. Проф. И. Н. Корсунскій, О подвигахъ Филарета, Митр. Моск., въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ. М. 1883. Онъ же, Переводъ LXX. 1897. Еп. Теофанъ, По поводу изданія св. книгъ В. З. въ русскомъ переводѣ. Душеп. Чт. 1875 г., ч. 6. Онъ же, О нашемъ долгѣ держаться перевода 70-ти толковниковъ. Душеп. Чт. 1876 г., ч. 2-я. П. Горскій-Платоновъ, О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ русскимъ переводомъ св. книгъ В. З. Прав. Обзор. 1877, 1—3.

послѣднее время въ русской бібліологической литературѣ права текстуальной критики, говоря вообще, признаются, и въ появившихся за послѣдніе годы изслѣдованіяхъ о ветхозавѣтныхъ книгахъ мы имѣемъ образцы текстуальной критики. Основные принципы этой критики отечественными богословами понимаются неодинаково. „Въ основу своихъ критическихъ соображеній“, говоритъ проф. П. В. Тихомировъ, „мы положили правило исходить изъ довѣрія къ масоретскому чтенію и изъ предположенія его неиспорченности, по возможности, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда очень вѣсскія основанія не заставляли насъ въ немъ усумниться. Въ противномъ случаѣ мы старались его исправить по руководству преимущественно авторитетныхъ древнихъ переводовъ (LXX, таргума и сирскаго). Если же основанія казались намъ не вѣскими, то мы предпочитали держаться масоретскаго текста и ставили своей задачей объяснить отступленія отъ него переводовъ“¹⁾. На такой же точкѣ зрѣнія по вопросу о критикѣ текста кн. пр. Михея стоитъ проф. П. А. Юнгеровъ. „Уклоненія (LXX), говоритъ онъ, произошли отъ составителей и исправителей перевода LXX и не могутъ служить доказательствомъ измѣненія подлиннаго еврейскаго текста. — Принятое переводчиками чтеніе не можетъ доказывать того, что еврейскій текстъ, бывшій у нихъ, съ точностью соответствовалъ переводу и читался всѣми такъ, какъ онъ былъ прочтенъ переводчиками. Очень возможно, что, при сложности и неразборчивости древняго письма, переводчики читали ошибочно біблейскій текстъ, несоответственно общепринятому синагогою чтенію. А особенно затруднительныя слова и выраженія еврейскаго текста могли побуждать и къ намѣренному уклоненію переводчиковъ отъ него. — Затѣмъ, множество уклоненій LXX отъ масоретскаго текста породилъ перифрастическій свободный характеръ перевода. Принимая

¹⁾ Проф. Тихомировъ, Пророкъ Малахія, 1903 г. Стр. V.

во вниманіе всѣхъ указанныя соображенія, мы нигдѣ не позволяли себѣ измѣнять еврейскій текстъ кн. пр. Михея по чтенію перевода LXX¹⁾.

Тогда—какъ названные авторы исходятъ въ своей критикѣ изъ довѣрія къ масоретскому тексту, другіе отечественные бібліологи склонны отнести къ нему съ недовѣріемъ и поставить выше его древніе переводы. Авторъ изслѣдованія о книгѣ пр. Софоніи, Тюрнинъ, напр., говоритъ: „Даже и на западѣ уже миновало время безусловнаго предпочтенія масоретскаго текста древнимъ переводамъ, когда всѣ отступленія послѣднихъ отъ перваго разсматривались, какъ слѣдствія ошибки переводчиковъ. Теперь и тамъ пришли къ убѣжденію, что авторы самыхъ древнихъ переводовъ Библии (LXX и сирск.), жившіе болѣе, чѣмъ за полтысячи лѣтъ до масоретской редакціи текста св. книгъ, могли имѣть предъ глазами лучшій текстъ, чѣмъ еврейскіе раввины VI—VIII вв. христіанской эры и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ прочли неправильно подлинный текстъ не древніе переводчики, а скорѣе масореты“²⁾. Равнымъ образомъ, наша популярная бібліологическая литература и учебныя руководства по Св. Писанію Ветхаго Завета, обращаясь къ критикѣ текста, въ случаяхъ разногласія масоретскаго текста и греческаго перевода, обыкновенно стоятъ на сторонѣ послѣдняго.

Исторія ветхозавѣтнаго библейскаго текста приводитъ къ убѣжденію, что Библия сохранилась по существу неповрежденной и никакія исправленія, если они не будутъ произвольными, не дадутъ новой библии, новой догматики или этики. Но въ то же время фактъ существованія въ подлинникѣ вариантовъ, разности переводовъ и вся исторія библейскаго

¹⁾ Проф. П. Юнгеровъ, Книга пр. Михея. Казань, 1890. Ср. проф. В. Н. Мишцынъ, Нуженъ ли намъ Греческій переводъ Библии при существованіи Еврейскаго подлинника? Бог. Вѣстн. 1895. Т. I, стр. 214 и д. 345 и д.

²⁾ Тюрнинъ, Книга пр. Софоніи. Сер. Пос. 1897 г., стр. 1.

текста съ неопровержимостью свидѣтельствуютъ о томъ, что небольшія, касающіяся частныхъ погрѣшностей въ библейскомъ текстѣ есть. Въ виду величайшей важности св. текста бібліологія должна стремиться къ устраненію и названныхъ маловажныхъ погрѣшностей и къ восстановленію библейскаго текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ самихъ свящ. писателей. Независимо отъ этого, всякое и самое малое усовершенствованіе текста можетъ вести только къ уясненію и углубленію смысла Писанія. Изъ этихъ соображеній вытекаетъ для православнаго богослова необходимость библейской текстуальной критики. Основанія для нея есть и въ догматическомъ ученіи Православной Церкви, такъ-какъ послѣдняя никогда не узаконяла какого-либо одного перевода св. текста и предоставляла вѣрующимъ право пользоваться разными текстами.

Что касается правилъ библейской текстуальной критики, предлагаемыхъ въ нѣкоторыхъ курсахъ Введенія въ Ветхій Заветъ, то они не отличаются строгой опредѣленностью и допускаютъ разнообразіе въ ихъ примѣненіи въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго случая. Главнѣйшія правила критики, предлагаемыя въ руководствахъ¹⁾ по Св. Писанію В. З., таковы: 1) Нельзя предполагать, чтобы свящ. писатель написалъ что-либо не имѣющее смысла или прямо противорѣчащее истинамъ откровенія и разума. Поэтому всякое чтеніе, которое совсѣмъ не имѣетъ смысла или представляетъ очевидную ошибку или противорѣчіе Св. Писанію, должно быть отвергнуто, независимо отъ авторитета кодекса. 2) Нельзя предполагать, чтобы свящ. писатели нарушали требованія логики, грамматики, стилистики. Поэтому чтеніе, погрѣшающее противъ указанныхъ требованій, является подозрительнымъ и можетъ быть отвергнуто. 3) Каждый пи-

¹⁾ Cornely, *Introductio in V.T. libros.* p. 497—504. Ср. De-Rossi, *Variae lect.* v. I, p. XLIX sq.

сатель, соблюдая общія требованія грамматики и стилистики, имѣетъ въ тоже время и свои особенности. Повтому чтеніе, не соотвѣтствующее стилю извѣстнаго свящ. писателя, можетъ считаться подозрительнымъ. По мнѣнію Де-Ветте- и Шрадера, это послѣднее правило должно быть высшимъ критеріемъ для установленія правильности или ошибочности даннаго чтенія¹⁾. Но съ этимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. Особенности стиля вообще не поддаются совершенно точному установленію и опредѣленіе ихъ всегда заключаетъ съ собою нѣчто субъективное. Еще труднѣе, конечно, опредѣлить точно особенности стиля писателей библейскихъ, какъ вслѣдствіе не-большаго объема ихъ произведеній, такъ и по другимъ основаніямъ.

Кромѣ внутреннихъ основаній при установленіи чтенія даннаго мѣста должны быть принимаемы во вниманія и внѣшнія свидѣтельства, — именно свидѣтельства параллельныхъ мѣстъ, цитаты отеческой и раввинской письменности, переводы. При пользованіи параллельными мѣстами нужно имѣть въ виду, что библейскіе писатели, сообщая объ одномъ и томъ же фактѣ, не всегда говорили объ этомъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Равнымъ образомъ, пользуясь изреченіями другихъ свящ. писателей, они большею частью воспроизводили ихъ смыслъ, а не букву. Повтому разногласіе въ параллельныхъ мѣстахъ нельзя вмѣстѣ съ нѣкоторыми представителями новѣйшей западной критики, считать во всѣхъ случаяхъ доказательствомъ испорченности даннаго чтенія. Исправленіе текста на основаніи параллельныхъ мѣстъ также требуетъ большой осторожности. Съ такою же осторожностью должно пользоваться и библейскими цитатами, сохранившимися въ древней литературѣ. Отцы и учителя церкви, особенно древнѣйшіе, большею частью цитуютъ библейскій текстъ по памяти. Кромѣ того, отеческія цитаты не рѣдко исправ-

¹⁾ De-Wette-Schrader, Einleitung in A. T. S. 236.

лялись переписчиками согласно тѣмъ кодексамъ, какіе были у нимъ подъ руками.

Обращаясь къ самымъ кодексамъ библейскаго текста, изслѣдователь долженъ имѣть въ виду время и мѣсто ихъ происхожденія, степень тщательности списка и отношеніе его къ другимъ. *Ceteris paribus* древнѣйшіе кодексы, разумѣется, должны имѣть для критики текста большій авторитетъ, чѣмъ позднѣйшіе, равно какъ исправные должны быть предпочитаемы неисправнымъ.

Такъ-какъ подлинникъ ветхозавѣтнаго библейскаго текста сохранился до насъ въ очень поздней редакціи (VІІ — X вв.), то при критикѣ текста имѣютъ весьма важное значеніе древніе переводы: они могли сохранить первоначальныя чтенія, утраченныя въ подлинникѣ. Изъ всѣхъ древнихъ переводовъ наибольшую важность для православнаго экзегета долженъ имѣть греческій переводъ LXX. Значеніе этого перевода основывается прежде всего на томъ, что онъ является древнѣйшимъ переводомъ священныхъ книгъ и произошелъ въ то время, когда народъ еврейскій еще не пересталъ быть народомъ Божиимъ, а языкъ еврейскій былъ еще языкомъ живымъ. Кроме того, греческій переводъ LXX съ самаго начала христіанства употреблялся въ церковномъ чтеніи и потому „имѣетъ свидѣтельство первенствующей и всѣхъ временъ восточной церкви о своемъ достоинствѣ“ (М. Филаретъ). Но изслѣдователь свящ. текста не можетъ ограничиваться однимъ греческимъ переводомъ, а долженъ пользоваться и всѣми прочими древними переводами. При этомъ должно имѣть въ виду, что прежде пользованія чтеніемъ перевода для критики библейскаго текста необходимо предварительно установить точно чтеніе и самаго перевода.

Чтеніе, имѣющееся въ подлинномъ текстѣ, подтверждаемое всѣми переводами и отеческими цитатами, можетъ и должно считаться за первоначальное. Равнымъ образомъ, такое чтеніе, которое засвидѣтельствовано почти всѣми рукописями

подлинника, а также большинствомъ древнѣйшихъ переводовъ и отеческихъ цитатъ, можетъ считаться первоначальнымъ, хотя-бы оно не имѣло подтвержденія въ *нѣкоторыхъ* древнихъ рукописяхъ и въ *нѣкоторыхъ* переводахъ. Чтеніе еврейскаго мазоретскаго текста, подтверждаемое свидѣтельствомъ всѣхъ мазоретскихъ кодексовъ, должно быть отвергнуто, если противъ него LXX, Сирскій, Вулг., Халд. Согласіе всѣхъ этихъ переводовъ, наоборотъ, можетъ считаться ручательствомъ подлинности и такого чтенія, которое отсутствуетъ въ *нѣкоторыхъ* еврейскихъ рукописяхъ.

Изъ двухъ чтеній, имѣющихъ за себя равное количество свидѣтельствъ, должно быть избираемо то, которое даетъ смыслъ, болѣе соответствующій контексту даннаго мѣста, или болѣе гармонируетъ съ языкомъ и стилемъ писателя.

Когда указанія внѣшнихъ свидѣтельствъ, контекста и стиля не достаточно ясны, должно принимать во вниманіе взаимное отношеніи чтеній и за первоначальное можно считать то чтеніе, изъ котораго наиболѣе легко объясняется происхожденіе вариантовъ. По мнѣнію Тишендорфа, это правило должно быть для критики текста главнымъ, *omnium regulatum principium*¹⁾. При различіи вариантовъ по степени трудности болѣе трудное чтеніе должно быть предпочитаемо болѣе легкому, такъ-какъ переписчики, естественно предположить, склонны были скорѣе упрощать конструкцію, чѣмъ затруднять. Точно также болѣе короткое чтеніе имѣетъ преимущество предъ пространнымъ въ виду того, что переписчики скорѣе могли допустить прибавленіе, нежели опущеніе.

Изложенныя правила, какъ и приведенныя выше, могутъ служить руководствомъ для критики библейскаго текста. Но

¹⁾ Tischendorf, *Novum Test. graece. vol. III 8 ib. Proleg. p. 45—68.*

опять примѣненіе ихъ не должно быть проводимо съ ригористической послѣдовательностью и по необходимости должно сообразоваться съ индивидуальной обстановкой каждаго отдѣльнаго случая. „Единообразное отступленіе“, справедливо говорятъ проф. П. В. Тихомировъ, „отъ масоретскаго всѣхъ, предположительно независимыхъ другъ отъ друга, переводовъ, сообщающее, при томъ, тексту безспорно лучший видъ,—служить ли указаніемъ на необходимость корректуры масоретскаго? Вообще говоря, да; но, конечно, опять не всегда: оно доказывало-бы только однородность чтенія во всѣхъ оригиналахъ, съ которыхъ сдѣланы переводы, но тождество этого чтенія съ подлинникомъ, строго говоря, этимъ еще не доказывалось-бы. Точно также и согласіе извѣстнаго масоретскаго чтенія со всѣми переводами, въ общемъ, конечно, есть высокой важности признакъ, говорящій въ пользу подлинности; но бываютъ случаи, когда оно свидѣтельствуетъ только объ очень рано происшедшей портѣ оригинальнаго текста, воспроизведенной перенодами и сохраненной масоретами“¹⁾. Количество свидѣтельствъ въ пользу извѣстнаго чтенія и древность ихъ, разумѣется, не могутъ не имѣть значенія въ вопросѣ о первоначальности даннаго чтенія. Но съ другой стороны, еще Росси указалъ, что „подлинное чтеніе можетъ сохраниться и въ одномъ кодексѣ вопреки свидѣтельству всѣхъ прочихъ кодексовъ“.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда существующіе варианты текста не даютъ удовлетворительнаго чтенія, возникаетъ вопросъ о конъектурѣ. Отношеніе бібліологовъ къ текстуальнымъ конъектурамъ неодинаково. „Всякое исправленіе“, говоритъ напр. Де-Росси, „должно основываться на авторитетѣ общихъ источниковъ свящ. критики, а не одной только конъектурѣ, въ исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда текстъ оче-

¹⁾ Пророкъ Малахія. Стр. V—VI.

видно испорченъ и имѣть погрѣшность“ ¹⁾). Корнели не считаетъ возможнымъ допущеніе конъектуральной критики даже и въ такихъ случаяхъ. „Очевидно, говоритъ онъ, что внося свои конъектуры въ священный текстъ, мы примѣшиваемъ человѣческое къ божественному, чего нельзя извинить никакой крайней необходимостью. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ намъ должно сознаться въ своемъ незнаніи, а текстъ оставить въ томъ положеніи, въ какомъ онъ переданъ намъ, пока случайно дѣло не будетъ разъяснено при помощи доселѣ неизвѣстныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивной пыли“ ²⁾). Еще рѣшительнѣе противъ текстуальныхъ корректуръ говоритъ Скривнеръ: „Конъектуральный критицизмъ долженъ быть совершенно устраненъ съ поля просто потому, что всѣ здравые критики сознаютъ, что въ немъ нѣтъ нужды. Отсутствіе доказательства, что предлагаемое вмѣсто обычнаго чтеніе поддерживается какимъ-либо достовѣрнымъ документомъ, само по себѣ является фатальнымъ возраженіемъ противъ его принятія. Тѣ конъектуры, которыя нѣкогда были предложены извѣстными учеными, когда еще не много было извѣстно или дѣйствительно сличено кодексовъ, очень рѣдко подтверждались послѣдующими изысканіями. И теперь, когда мы владѣемъ обиліемъ варіантовъ, собранныхъ изъ памятниковъ каждаго почти вѣка и каждой страны, мы вполне можемъ быть увѣрены, что чтеніе, въ пользу котораго нѣтъ ни одного манускрипта, ни одного древняго перевода, ни одного отеческаго свидѣтельства, какъ бы оно ни было правдоподобно или удобно, не можетъ быть съ увѣренностью принято за подлинное или даже вѣроятное“ ³⁾). Вопреки названнымъ авторамъ, большинство западныхъ библіологовъ не только признаютъ принципиальную

¹⁾ Lect. variae V. T. I. Prol. p. LVI.

²⁾ Introd. I, p. 503.

³⁾ Scrivener, A plain Introduction to the criticisme. 1894, vol. II, Ch. VIII.

возможность текстуальных конъектуръ, но и широко ихъ практикуютъ какъ въ комментаріяхъ на библейскія книги, такъ даже и въ самыхъ изданіяхъ библейскаго текста. Допускается текстуальная конъектуральная критика и въ нашей отечественной библиологіи¹⁾, но въ общемъ она не имѣетъ здѣсь широкаго примѣненія.

Безъ сомнѣнія, въ трудныхъ случаяхъ конъектуральная критика можетъ принести извѣстную пользу. Но съ другой стороны, какъ-бы ни была остроумна и основательна корректура, она ни для кого не является обязательной, развѣ для нея нѣтъ документальнаго подтвержденія.

Тогда-какъ низшая критика занимается библейскимъ текстомъ, критика *высшая* имѣетъ своей задачей изслѣдованіе вопросовъ о происхожденіи и составѣ библейскихъ книгъ. Самый терминъ *высшая критика* введенъ въ обращеніе въ библиологіи только во второй половинѣ XVIII в.. Эйхгорномъ. До этого времени собственно вопросамъ, входящимъ въ область высшей критики, должнаго значенія не придавали. Отцы и учителя церкви при изученіи Библии останавливались почти исключительно на содержаніи ея. Вопросовъ исagogическихъ они почти не касались, а если обращались къ нимъ, то рѣшались, за единичными исключеніями (Θεодоръ Мопсуес.), согласно съ традиціей. Традиція опредѣляла и библиологическія воззрѣнія древнихъ раввиновъ²⁾. Въ средвіе вѣка богословы схоласты также занимались исключительно содержаніемъ библейскихъ книгъ, вопросы же о происхожденіи послѣднихъ обыкновенно очень кратко рассматривали только во введеніяхъ къ толкованіямъ и рѣшали ихъ на основаніи традиціи. Но уже въ средніе вѣка можно замѣтить и попытки уклоненія отъ традиціи, какъ среди еврейскихъ раввиновъ (Исаакъ

¹⁾ Ср. проф. А. А. Олесницкій, Книга Притчей Соломоновыхъ. К 1884. Стр. 121 и д.

²⁾ Eisenstadt, Bibelkritik in der talmud. Literatur. Berlin 1894).

бенъ-Соломонъ IX в., Абенъ Ездра XII в.), такъ и среди христіанскихъ богослововъ (Н. Лира). Болѣе замѣтнымъ колебаніе традиціи въ области библиологіи становится со времени реформациі. Такъ, Лютеръ, вопреки традиціи, отрицалъ принадлежность кн. Екклісиастъ Соломону и допускалъ возможность написанія Пятоквижія не самимъ Моисеемъ. Кальвинъ утверждалъ, что Псалтирь впервые была издана Ездрой, который былъ также и писателемъ кн. Малахій. Подобно этому, католическій богословъ Андрей Мазій находилъ, что Пятокнижіе послѣ Моисея было исправлено и изложено болѣе ясно. Но вообще вопросы объ авторахъ свящ. книгъ мало еще интересовали и въ эпоху появленія реформациі. Одинъ изъ экзегетовъ этой эпохи, А. Риветъ, во введеніи къ комментарию на псалмы писалъ: „Давидъ-ли или Моисей, или кто другой составлялъ псалмы—безразлично: одно должно держать, какъ несомнѣнное,—именно то, что они были тростью, а писалъ псалмы св. Духъ. Но нѣтъ необходимости беспокоиться относительно трости, когда истинный авторъ установленъ“. Поэтому въ своемъ введеніи (*Isagoge seu introductio generalis ad script. sanctam.* 1627) Риветъ не входитъ даже въ обсужденіе литературныхъ вопросовъ относительно библейскихъ книгъ. До второй половины XVII в. всѣ вообще экзегеты, которые въ предисловіи къ комментаріямъ на различныя книги св. Писанія находили нужнымъ упомянуть объ авторахъ и датахъ написанія, или слѣдовали традиціоннымъ воззрѣніямъ безъ критики или же отступали отъ нихъ не сознательно. Вниманіе къ названнымъ вопросамъ пробудилось въ концѣ XVII в. подъ вліяніемъ оживившагося въ обществѣ интереса къ свѣтской литературѣ классической и восточной. Споры о происхожденіи памятниковъ этихъ литературъ¹⁾ перенесены были мало по малу и въ область библиологіи, гдѣ стали примѣняться приемы критики, заимствованные изъ свѣт-

¹⁾ Cp. Benley, *Epistles of Plalaris and Fables of Aesop.* 1699.

ской литературы. На первых порахъ, впрочемъ, библейская критика имѣла преимущественно характеръ догматическій, такъ-какъ въ рѣшеніи литературныхъ вопросовъ о свящ. книгахъ исходили изъ общихъ положеній о богодухновенности, пророчествѣ и чудесахъ. Первыми опытами такой критики является сочиненіе Гоббза „Левіафанъ“ ¹⁾ и „Богословско-политическій трактатъ“ ²⁾ Спинозы. Въ названномъ трудѣ Спиноза, выходя изъ положенія, что религія не можетъ противорѣчить разуму, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость „все познаніе Писанія заимствовать изъ него одного“ (стр. 154). Для правильного пониманія изреченій Писанія Спиноза считаетъ нужнымъ уяснить исторію Писанія. Задачу этой исторіи составляетъ изученіе языка свящ. книгъ, а затѣмъ обстоятельствъ, относящихся къ происхожденію книгъ, ихъ собиранію въ одинъ кодексъ и сохраненію. Такимъ образомъ, Спиноза впервые съ полной опредѣленностью намѣтилъ тѣ вопросы, которыми занимается новѣйшая библейская критика. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ Спиноза пришелъ къ выводамъ, которые въ существенныхъ чертахъ принимаются и критикой новѣйшаго времени. Такъ, Спиноза отвергъ принадлежность Пятикнижія въ полномъ объемѣ Моисею; книги I. Навина, Судей, Самуила, Царствъ призналъ произведеніями, составленными изъ многихъ документовъ; въ пророческихъ книгахъ усмотрѣлъ позднѣйшую переработку пророческихъ рѣчей, а время заключенія канона отодвинулъ къ эпохѣ Маккавеевъ ³⁾.

Нѣсколько позже (1678) трактата Спинозы вышла въ свѣтъ „Критическая исторія текста, переводовъ и коммента-

¹⁾ Hobbes, *Leviathan sive de materia, forma et potestate civitatis eccles. et civilis*. 1651.

²⁾ *Tractatus theologico-politicus*. Hamb 1670 Русск. переводъ. Казань, 1906).

³⁾ „Богосл. — полит. трактатъ“ гл. VII—X.

торовъ В. З.“ Ричарда Симона¹⁾). Въ этомъ сочиненіи Р. Симонъ далъ первый опытъ систематическаго примѣненія приѣмовъ критики въ специальномъ изслѣдованіи о ветхозавѣтныхъ книгахъ. Отступая отъ традиціи, Р. Симонъ различаетъ въ Пятокнижии отдѣлы, написанные Моисеемъ (заповѣди десятословія и законы), и отдѣлы, добавленные позднѣе пророками—писателями. Въ доказательство того, что Моисей не можетъ считаться писателемъ всего Пятокнижія, Р. Симонъ первый выдвинулъ и тѣ аргументы, которые получили особенное значеніе впоследствии: онъ обратилъ вниманіе на двѣ рецензіи разсказа о потопѣ, на отсутствіе строгой послѣдовательности въ изложеніи законовъ и на различіе стиля въ книгахъ Пятокнижія. Отрицая подлинность Пятокнижія, Р. Симонъ, при этомъ, въ книгахъ пророческихъ находилъ добавленія и разъясненія, сдѣланныя позднѣйшими издателями этихъ книгъ. Сочиненіе Р. Симона вызвало обвиненія противъ автора въ увлеченіи протестанствомъ и было даже сожжено. Цѣлый рядъ авторовъ выступилъ на защиту традиціонныхъ воззрѣній, причемъ отиѣченные критикой факты или отрицались совершенно или представлялись плодомъ неправильнаго толкованія²⁾). Но нѣкоторыя идеи Р. Симона были усвоены и его противниками, а въ теченіе XVIII в. критическое направленіе въ области библіологіи приобрѣтало все болѣе и болѣе послѣдователей. По прежнему, при этомъ, критика продолжала удерживать догматическій характеръ. Англійскій деизмъ, съ точки зрѣнія своихъ общихъ положеній, дѣлалъ нападки на историческій характеръ ветхозавѣтныхъ книгъ (Toland, *Adesidaemon et origines judaicae*. 1709). Скептицизмъ занимался отыскиваніемъ противорѣчій въ Библии. (Вольтеръ). Раціонализмъ, главнымъ вождемъ котораго въ

¹⁾ R Simon, *Histoire critique de Text, des Versions et de commentateurs du V. T.*, Paris. 1678.

²⁾ Diestel. S. 352 f.

Германія былъ Эдельманнъ ¹⁾, опираясь на силу здраваго человѣческаго разума, пытался доказать, что въ исторіи нѣтъ загадокъ и весь ходъ ея можетъ быть изъясненъ разумомъ. Отсюда дѣлали выводъ, что не существуетъ ни чуда, ни пророчествъ, никакого непосредственнаго вѣщательства Бога въ исторію. Соотвѣтственно этимъ положеніямъ изъ Библии пытались устранить супранатуральный элементъ и все содержаніе Св. Писанія превращали въ миѳы, метафоры и аллегоріи. Большое значеніе въ исторіи библейской критики имѣло появленіе такъ назыв. „Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ“ (1774—1778), принадлежавшихъ Реймарусу ²⁾ и изданныхъ Лессингомъ. Въ названномъ сочиненіи доказывалась невозможность всякаго положительнаго откровенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ составитель фрагментовъ утверждалъ, что іудейское и христіанское откровеніе ложно, такъ-какъ они не соотвѣтствуютъ ни одному изъ тѣхъ требованій, которыя бы можно предъявить къ истинному откровенію. Въ частности, Реймарусъ указывалъ на темноту св. Писанія, заключающіяся въ немъ противорѣчія и невысокій характеръ носителей откровенія. Въ концѣ концовъ авторъ приходилъ къ выводу, что Библия есть дѣло рукъ человѣческихъ и всюду имѣетъ слѣды такого своего происхожденія. Вольфенбюттельскіе фрагменты вызвали полемику между Лессингомъ и Гетце, и въ этой полемикѣ положенія Реймаруса были дополнены новыми положеніями, легшими потомъ въ основу библейской критики. Именно, Лессингъ настаивалъ на необходимости отличать Библію отъ религіи вообще и христіанства, въ частности. Возраженія противъ Библии, по его мнѣнію, не являются возраженіями противъ религіи, и ошибки Библии не касаются религіи. Св. Писаніе содержитъ истину; но извѣстная мысль не потому истинна, что она находится въ Библии, а потому находится

¹⁾ Moses mit aufgedecktem Angesicht 1740.

²⁾ Apologie oder Schutzschrift für vernünftigen Verehrer Gottes.

въ Библии, что она истина: всякая мысль Св. Писанія должна быть оцѣниваема по ея внутренней истинности ¹⁾).

Одновременно съ названными авторами другіе стремились поставить библейскую критику на почву историческую. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли труды Лоута ²⁾. Гердера ³⁾, Ж. Аструка ⁴⁾ и Землера ⁵⁾. Лоутъ, различивъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ поэтическіе и прозаическіе отдѣлы, раскрывъ принципы параллелизма членовъ въ еврейской поэзіи, выдвинулъ этимъ литературную сторону ветхозавѣтныхъ книгъ и необходимость изученія ихъ тѣми же приѣмами, какіе примѣняются и для изслѣдованія другихъ литературныхъ произведеній. Ж. Аструкъ представилъ опытъ литературной критики ин. Бытія и положилъ основаніе гипотезѣ документовъ, въ послѣдствіи примѣненной ко всѣмъ библейскимъ книгамъ. Землеръ (1725—1791) въ своихъ изслѣдованіяхъ отвергъ церковное понятіе о канонѣ, какъ о собраніи книгъ богооткровенныхъ, и указалъ на необходимость понимать библейскія книги исторически, т. е. въ связи съ обстоятельствами ихъ происхожденія и согласно съ древними представленіями, къ которымъ приспособлялись библейскіе писатели.

Результаты названыхъ работъ объединены были Эйхгорномъ въ его Введеніи ⁶⁾, вышедшемъ въ 1780 году. У Эйхгорна, какъ замѣчено выше, впервые употребляется и самый терминъ „высшая критика“. Принципъ критики Эйхгор-

¹⁾ Vigouroux, Die Bibel und neueren Entdeckungen. 1885. B. I. S. 16 ff.

²⁾ Lowth, De sacra poesi Hebraeorum. 1753.

³⁾ Herder, Geist d. hebr. Poesie. 1782.

⁴⁾ Conjectures sur les memoires originaux dont il parait que Moise s'est servi pour composer la Genese. 1773.

⁵⁾ Semler, Abhandl. von freier Untersuchung Kanons. 4 Th. 1771—1775; Apparatus ad liberalem V. T. interpretationem 1773.

⁶⁾ I. Eichhorn, Einleitung in das A. T. B. I—IV.

на тогъ, что всѣ ветхозавѣтныя книги должны быть изслѣдуемы на основаніи ихъ собствениаго содержанія или другихъ внутреннихъ признаковъ. Если на основаніи этихъ признаковъ происхожденіе книги должно быть отнесено къ болѣе позднему періоду, чѣмъ къ какому относитъ преданіе, то критикъ не долженъ колебаться сдѣлать указанное заключеніе,—иначе онъ „презрѣнный резонеръ, трусъ на полѣ сраженія, а не историкъ-изслѣдователь“. Руководясь указанными принципами, Эйхгорнъ предпринялъ высшую критику не только всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, но и синоптическихъ евангелій.

Послѣ выхода въ свѣтъ Введенія Эйхгорна критическое направленіе въ изученіи Ветхаго Завѣта сдѣлалось господствующимъ. Въ первой четверти XIX в., при этомъ, высшая библейская критика имѣла характеръ крайняго отрицанія. Библиологи этого періода (Ильгенъ, Фатеръ, Георгъ) согласіе съ преданіемъ считали признакомъ ненаучности и научность полагали прежде всего въ отрицаніи преданія. Происхожденіе библейскихъ книгъ они приурочивали обыкновенно къ позднему времени; самыя книги представляли случайно составившимися сборниками разнородныхъ частей; въ содержаніи ихъ видѣли легенды и миѳы, не признавая никакого значенія и за всей исторіей еврейскаго народа. При этомъ Фатке ¹⁾ конструировалъ Ветхій Завѣтъ на основахъ Гегелевской философіи, а Де-Ветте ²⁾ приложилъ къ содержанію Библии взятую у Фриза идею религіи, устранивъ изъ Библии все, не стоящее въ согласіи съ законами идеальной разумной вѣры и религіознаго чувства.

Отступленіе отъ стараго раціонализма въ сторону болѣе умѣреннаго напралненія и историческаго пониманія Ветхаго

¹⁾ Vatke, Religion A. T. 1835.

²⁾ Ср. Beiträge zur Einleit. in A. T. 1806—1807.

Завѣта началось съ появленіемъ трудовъ Гезеніуса, Эвальда и Гитцига ¹⁾. Основанную ими школу не безъ основанія называютъ грамматическо-исторической или историко-критической. Но собственно понятіе объ откровеніи, лежащее въ основѣ работъ названныхъ авторовъ, особенно Эвальда, не отличается существенно отъ раціоналистическаго. Подобно раціоналистамъ, Эвальдъ смотритъ на исторію Израиля, какъ на результатъ естественнаго процесса развитія, а въ содержаніи Библии находитъ легенды и мифы, превосходящіе языческіе мифы только большей высотой лежащей въ основѣ ихъ религіозной идеи. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на содержание Библии и вопросы о происхожденіи библейскихъ книгъ Эвальдомъ и другими сторонниками представляемаго имъ направленія рѣшались вопреки традиціи и въ согласіи съ обычными раціоналистическими теоріями. Въ-частности, разсматриваемая стадія высшей критики характеризуется борьбою теоріи документовъ и теоріи фрагментовъ. Эти теоріи теперь прилагаются уже не къ Пятокнижію только, какъ раньше, но и къ кн. I. Навина (Геддесъ), къ кн. Исаи (Гезеніусъ) и вообще ко всей ветхозавѣтной письменности (Эвальдъ, Блекъ, Кнобель).

Около половины XIX в. критическое направленіе въ области изученія Вѣтхаго Завѣта встрѣтило энергичнаго противника въ лицѣ Генгстенберга ²⁾, сумѣвшаго сгруппировать вокругъ себя кружокъ защитниковъ ортодоксіи ³⁾. Но этимъ не было остановлено дальнѣйшее движеніе библейской критики, и во второй половинѣ XIX в. на сторону ея выводовъ и ме-

¹⁾ Gesenius, *Commentar über den Jesaia. Th. I—III.* 1821. Ewald, *Geschichte Volkes Israel.* 7 Bd. 1843—1859. Die Dichter d. A. B. 1835—1839. Die Propheten A. B. 1840 f. Hitzig, *Jesaja* 1833.

²⁾ Hengstenberg, *Beiträge zur Einleitung in A. T.* 3 Bd. 1831—1839.

³⁾ Hévárnick, *Handbuch hist.-krit. Einleitung in A. T.* 3 Th. 1836—1849. Keil, *Lehrbuch. hist.-krit. Einleit.* 3-te Ausg. 1873.

тодовъ стало значительное большинство библиологовъ во всѣхъ странахъ Запада. Наиболѣе видными представителями библейской критики новѣйшаго времени являются: въ *Германи*—Графъ, Нельдеке, Шрадеръ, Дилльманъ, Римъ, Корниль, Кенигъ, Думъ, Бодиссинъ, Марти, Штаде и Велльгаузенъ ¹⁾; въ *Голландіи*—Кьюненъ, Валетонъ, Вильдебоеръ ²⁾, во *Франціи*—Рейссъ, Ренанъ, Вернъ, Готье ³⁾, въ *Англии*—Коленсо, Р. Смитъ, Драйверъ, Хастинксъ, Чейнъ ⁴⁾ и мн. др.

Въ послѣдніе годы влияние критики отражается и на библиологіи католической. Среди католическихъ библиологовъ, доселѣ сохранявшихъ вѣрность древнимъ традиціямъ и отрицательно относившихся къ выводамъ критики, возникла школа модернистовъ, поставившихъ своей задачей примире-

¹⁾ *Graf*, Die geschichtlichen Bücher A. T. 1866; *Nöldeke*, Die alttest. Literatur. 1868; Untersuchungen zur Kritik A. T. 1869; *Schrader*, Lehrbuch hist.-krit. Einleitung. 1869; *Dillmann*, Kurzgef. Exegetisch. Handbuch zum A. T. Genesis—Ios. *Riehm*, Einleit. in A. T. 1889. *Cornill*, Einleitung in A. T. 4. Ausg. 1896; *König*, einleitung. 1893 *Duhm*, Theologie der Propheten. 1875; Baudissin, Einleitung in die Bücher A. T. 1901; *Marti*, Geschichte Isr. Religion. 1897. *Stade*, Geschichte V. I. Bd. 1—2. 1887—1888; Biblische Theologie A. T. 1905; *Wellhausen*, Prolegomena zur Gesch. Israels. 5 Aufl. 1899; Israel. und Iudische Geschichte. 5. Ausg. 1904.

²⁾ *Kuenen*, Hist.-krit. Einleitung in die Bücher A. T. übers. Weber. Müller. 1857 ff.; The prophets and prophecy in Israel. 1877; Gesammelte Abhandlungen zur bibl. Wissenschaft übers. Budde. 1894; *Wildeboer*, Entstehung alttest. Kanons. 1891; Die Literatur A. T. übers. v. Risch. 1895.

³⁾ *Reuss*, Les Prophets. 1876. Die Geschichte heil. Schrift. A. T. 2. Aufl. 1890. *Renan*, Histoire du peuple d. Israel. 5 t. Paris 1887—1893. *Gotier*, Introduction a l'A. T. 2 t. 1906.

⁴⁾ *Colenso*, Pentat. and book of Josua. 1862 f.. R. Smith, The old Testament in Jewish Church. Deutsche Ueber. 1894; The prophets of Israel. 2 ed. 1895. *Driver*, Introduction. 5—ed. 1894; Hastings, Dictionary of Bible. v. 1—4; *Cheyne*, Introd. to the Book of Isaiah 1895. The origin of the Psalter. 1891.

ніе результатовъ новѣйшей критики съ церковными воззрѣніями на Библію. Наиболѣе видными представителями этой школы библиологовъ являются Луази ¹⁾, Лягранжъ ²⁾, Гольдгей ³⁾ и Гуммеляуръ ⁴⁾.

По своему характеру библейская критика новѣйшаго времени отличается отъ древней во первыхъ примѣненіемъ ея ко всему Ветхому Завѣту, включая сюда письменность, исторію, археологію и богословіе; во вторыхъ—развитіемъ критическихъ методовъ и ихъ комбинированнымъ употребленіемъ. Новѣйшая библейская критика черпаетъ свои средства отовсюду: изъ психологіи, языкознанія, исторіи литературы и исторіи всеобщей.

Сходясь въ отрицаніи традиціонныхъ взглядовъ на Ветхій Завѣтъ, сторонники критики не достигли единства въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ. Въ области новѣйшей критики, поэтому, можно замѣтить нѣсколько направленій. Господствующимъ направленіемъ въ послѣдніе годы является то, которое связано съ именами Рейсса, Графа и въ особенности Велдгаузена.

Сущность выводовъ относительно Ветхаго Завѣта, принимаемыхъ школой Велдгаузена, сводится къ слѣдующему. Исходнымъ пунктомъ для школы является отрицаніе супранатуральнаго (въ церковномъ смыслѣ) характера ветхозавѣтной исторіи и пониманіе ея, какъ процесса постепеннаго развитія израильскаго народа. Главнымъ выводомъ отсюда является то положеніе, что законъ Моисеевъ служилъ не началомъ библейской исторіи, а концомъ ея и результатомъ. Вслѣдствіе этого Пятокнижіе Моисея, содержащее изложеніе

¹⁾ Loisy, Hist. du Canon A. T. 1890; Hist. crit. du texte A. T. 1892—1893. Etudes bibliques. 1894. 1901; Le religion d' Israel. 1901.

²⁾ Lagrange, La méthode historique surtout à propos de l' ancien Test. Paris. 1903.

³⁾ Holzhey, Schöpfung, Bibel und Inspir. 1902.

⁴⁾ Hummelauer, Exegetisches zur Inspirationsfrage 1904.

законовъ Моисеевыхъ, признается произведеніемъ, составленнымъ послѣ Вавилонскаго плѣна, при Ездрѣ, изъ отдѣльныхъ малыхъ сборниковъ законовъ и историческихъ повѣствованій, принадлежащихъ разнымъ лицамъ (іеговисты, элогисты, девтерономисты) и разнымъ эпохамъ. Отрицаніе подлинности, древности и единства распространено новѣйшей критикой и на всѣ остальные книги Ветхаго Завѣта: происхождение большей части ветхозавѣтной письменности, вопреки традиціи, отодвигается къ послѣплѣнному времени (Псалмы, Притчи, Еккл., Руѣв, Іовъ, кн. Іоіиля); во всѣхъ книгахъ указываются, при этомъ, позднѣйшія интерполяціи; кн. Даніила и многіе псалмы считаются произведеніями эпохи Маккавейской. „Ни одна изъ ветхозавѣтныхъ книгъ“, говоритъ Штаде, „въ томъ видѣ, въ которомъ она имѣется теперь, не восходитъ къ доплѣнному времени. Изъ обломковъ доплѣнной литературы въ позднѣйшей письменности спасено было только то, что казалось годнымъ въ качествѣ фундамента для созданія іудейства. Поэтому древнее дошло до насъ только въ обрывкахъ, въ связи съ позднѣйшимъ и въ разнообразной переработкѣ“¹⁾.

Новая постановка литературныхъ вопросовъ о ветхозавѣтныхъ книгахъ повела къ измѣненію традиціонныхъ воззрѣній на историческій характеръ этихъ книгъ.

Новой бібліологической школой отрицается историческій характеръ большинства ветхозавѣтныхъ книгъ: послѣднія рассматриваются какъ сборники мифовъ, легендъ или тенденціозныхъ повѣствованій, въ которыхъ историческое зерно затемнено массой позднѣйшихъ наслоеній. Съ особенною настойчивостью, при этомъ, утверждается мифологическій и легендарный характеръ библейскихъ повѣствованій о древнѣйшихъ временахъ, т. е. повѣствованій кн. Бытія. Авторъ одного изъ новѣйшихъ комментаріевъ на кн. Бытія Гункель полагаетъ, что кн. Бытія содержитъ въ себѣ почти исклю-

¹⁾ Stade, Bibl. Theologie A. T. S. 27.

чительно мнѣ о первобытныхъ временахъ и саги (этнографическія, кульковыя, геологическія), составленныя для объясненія религіозныхъ учрежденій, геологическихъ переворотовъ или историческихъ фактовъ. Значеніе кн. Бытія, при этомъ, сводится къ тому, что легенды ея имѣютъ высокій художественный характеръ и заключаютъ въ себѣ религіозныя идеи. „Смѣшивая сагу съ ложью“, разсуждаетъ Гункель, „сомнѣваются допустить саги въ Ветхомъ Заветѣ. Но сага не ложь, а особая форма поэзіи. Если высокій духъ ветхозавѣтной религіи пользовался многими формами поэзіи, то почему онъ не могъ пользоваться этой формой? Напротивъ, какъ религіи вообще, такъ израильской въ-частности, поэзія и поэтический разсказъ особенно близки. Поэтический разсказъ гораздо лучше чѣмъ прозаическій можетъ быть носителемъ религіозныхъ мыслей: Бытіе гораздо болѣе религіозная книга, чѣмъ кн. Царствъ“¹⁾, Въ другихъ библейскихъ книгахъ къ области мифовъ относятся всѣ повѣствованія, которыя заключаютъ въ себѣ сверхъестественный элементъ,—каковы, напр., повѣствованія о Самсонѣ, о пр. Иліи, Елисеѣ, Іонѣ и др. При этомъ вся вообще древнѣйшая письменность считается переработанной въ духъ позднѣйшихъ воззрѣній, подъ угломъ которыхъ изложена исторія Израиля. Обращаясь же къ изслѣдованію источниковъ библейскихъ „мифовъ“ и „легендъ“, новѣйшая критика останавливается на вавилонской литературѣ и здѣсь отыскиваетъ или непосредственные оригиналы для библейскихъ повѣствованій или мотивы, проникающіи послѣднія²⁾.

Отрицаніе достовѣрности библейскихъ повѣствованій ведетъ и къ тому представленію библейской исторіи, которое существенно отличается отъ традиціоннаго. Такъ-какъ допѣн-

¹⁾ Gunkel, Genesis. Einleitung.

²⁾ Winkler und Zimmern, Die Keilinschr. und A. T. 1903; Gunkel, Schöpfung und Chaos. 1896; Jensen, Gilgamesch—Epos. 1906.

ная литература сохранилась только въ отрывкахъ и выборъ достойныхъ сохраненія памятниковъ былъ сдѣланъ односторонне, то, по взгляду представителей высшей критики, полного и точнаго представленія о древнѣйшей исторіи Израиля мы вообще получить не можемъ. Но во всякомъ случаѣ представленія о библейской исторіи, существовавшія доселѣ, критика существенно измѣняетъ: заслуга Велльгаузена, по мнѣнію сторонниковъ его, въ томъ, что онъ поставилъ библейскую исторію на ноги, тогда-какъ доселѣ она стояла на головѣ. Въ частности, новѣйшая критика отступаетъ отъ традиціонныхъ воззрѣній, прежде всего, въ томъ, что почти совсѣмъ устраняетъ изъ библейской исторіи супранатуральный факторъ, представляя эту исторію процессомъ естественнаго развитія. Затѣмъ, значительная часть фактовъ, считавшихся издавна историческими, новѣйшей критической школы отвергается. Къ области мифовъ и легендъ теперь относится не только исторія первобытныхъ временъ (потопъ, столпотвореніе), но и исторія патріарховъ. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ—для большинства критиковъ не историческія личности, а только искусственно, подъ вліяніемъ Вавилона, созданные образы, въ которыхъ Израиль впохи царей воплотилъ свои религіозные и національные идеалы. „Разсказы объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ—являются только легендами, посредствомъ которыхъ хотѣли доказать, что священныя мѣста Израильтянъ, которыя, какъ было общеизвѣстно, существовали уже при вторженіи Израиля въ Ханаанъ, были основаны не хаванеями, но израильскими патріархами“¹⁾. Историческимъ лицомъ въ древнѣйшей исторіи Израиля признается Мойсей. Но, по взгляду новой критической школы, „едва-ли можно о существѣ и дѣятельности этого перваго пророка составить такое представленіе, кото-

¹⁾ „Израильско-іуд. религія“. См. Сборникъ „Религія и Церковь“ кн. 2. (М. 1907), стр. 11.

рое бы не расплывалось въ туманѣ, подобно представленіямъ о другихъ легендарныхъ законодателяхъ древности“ (Рейссъ). Во всякомъ случаѣ, Моисей не былъ законодателемъ еврейскаго народа въ принятомъ смыслѣ, не былъ писателемъ Пятокнижія и вообще писателемъ. „Его историческое значеніе заключается не столько въ томъ, что онъ говорилъ, сколько въ томъ, что онъ сдѣлалъ, — и прежде всего въ его личности. Въ религіозныхъ установленіяхъ онъ, повидимому, измѣнилъ немного, въ соціальныхъ и политическихъ даже ничего не измѣнилъ“¹⁾. Моисей можетъ считаться, по мнѣнію новѣйшей критики, законодателемъ только въ томъ смыслѣ, что на его рѣшеніяхъ могли основываться нѣкоторыя правовыя предавія. Разумѣется, достовѣрность великихъ чудесъ эпохи Моисея критикой всецѣло отрицается.

Иное сравнительно съ традиціоннымъ представленіе даетъ критика и объ исторіи Израиля послѣ Моисея. Такъ, завоеваніе земли ханаанской еврейскимъ народомъ понимается въ томъ смыслѣ, что хананеи не были истреблены однимъ ударомъ, но были постепенно поглощены пришельцами, при чемъ послѣдніе восприняли отъ туземцевъ ихъ культуру и многія религіозныя понятія. Историческіе дѣятели еврейскаго народа получаютъ съ точки зрѣнія критики новое освѣщеніе: тѣ, которыхъ, какъ Давида, Соломона, Іоасафата, высоко ставятъ традиція, унижаются, и наоборотъ, Ахавъ, Іеавель, Ахазъ, Манассія превращаются въ великихъ дѣятелей, несправедливо осужденныхъ послѣдующей исторіей²⁾.

Существенно отличается отъ традиціоннаго и принимаемое новѣйшей критикой построеніе исторіи ветхозавѣтной *религии*. Библіологи Графо-Велльгаузенской школы,

¹⁾ Stade, Bibl. Theologie. S. 37.

²⁾ Ср. *Fries*, Moderne Darstellungen Gesch. Isr. 1898; *А. Смирновъ*. Новое построеніе исторіи евр. народа и новыя сужденія объ историческихъ лицахъ его. Прибавл. къ Тв. свв. от. 1887 ч. 40. Стр. 185 и д.

прежде всего, полагають рѣзкое различіе между религіей Израиля и іудействомъ, гранью между которыми считается реформа Ездры. Въ „религіи Израиля“ при этомъ различаютъ періодъ допророческій и начавшійся съ IX в. (до Р. Хр.) періодъ пророковъ. Вопреки традиціи, новѣйшая библиологическая школа первоначальной формой израильской религіи считаетъ политеизмъ. Библейскій монотеизмъ, по взгляду новѣйшихъ критиковъ, созданъ путемъ длиннаго историческаго процесса и, притомъ, подъ вліяніемъ Вавилона. Рѣшающее значеніе въ исторіи религіи Израиля имѣли пророки, выступившіе съ IX в. Они именно очистили религію Израиля отъ натуралистическихъ примѣсей, сообщили израильскому монотеизму духовный, этический характеръ и вообще выработали тѣ внѣшнія формы религіи, которыя получили свое завершеніе въ такъ наз. священническомъ кодексѣ и вообще въ Моисеевомъ законѣ. Вообще всѣ ветхозавѣтныя религіозныя установленія (праздники, жертвы, священство), по взгляду критики, получили законченный видъ не въ началѣ израильской исторіи, какъ полагаетъ традиціонное пониманіе Библии, а только въ концѣ ея ¹⁾.

Такимъ образомъ, господствующее направленіе въ области новѣйшей библейской критики и въ литературныхъ, и въ историческихъ вопросахъ о ветхозавѣтныхъ книгахъ стоитъ въ отрицательномъ отношеніи къ церковной традиціи. Поэтому современную библейскую критику обыкновенно называютъ критикой *отрицательной*. Отъ указаннаго преобладающаго направленія въ области библейской критики отличается другое, болѣе умѣренное, представителями котораго являются Келеръ, Гоммель, Зеллинъ, Э. Кенигъ и нѣкоторые другіе. Названные авторы признають необходимость *литературной* критики ветхозавѣтныхъ книгъ и здѣсь въ зна-

¹⁾ Ср. Nowack, Lehrbuch Hebr. Archäologie 1894; Benzinger, Hebr. Arch. 2 Ausg. 1907. Duhm, Theologie Propheten. 1875. Stade, Bibl. Theologie. Ср. Христ. Чт. 1899 г. т. VI.

чительной мѣрѣ удерживаютъ выводы школы Велльгаузена, отрицая подлинность Пятокнижія, второй части кн. Исаи, Захар. гл. 1—6 и т. д. Но въ то же время сторонники умѣренной критики согласны съ церковной традиціей въ воззрѣніи на основные пункты ветхозавѣтной исторіи. Они защищаютъ достовѣрность библейскихъ повѣствованій, наличность супранатуральнаго фактора въ библейской исторіи и ту послѣдовательность событій, какая предполагается традиціонными воззрѣніями. Библейская исторія, съ точки зрѣнія умѣренныхъ критиковъ, сохраняетъ свой особенный, священный характеръ и остается исторіей спасенія, подготовительной ступеню къ христіанству ¹⁾).

Вл. Рыбинскій.

¹⁾ E. König, Einleitung in A. T. 1893; Offenbarungsbegriff A. T. 1882; Alttestamentliche Kritik und Christenglaube; Hommel, Altisraelit. Ueberlieferung. 1897.